

ПОГРЕБЕНИЕ С КОНСКИМ НАЧЕЛЬНИКОМ № 482 НЕТАЙЛОВСКОГО ГРУНТОВОГО МОГИЛЬНИКА САЛТОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Присутствие конского начальника в захоронениях населения второй половины VIII – первой половины X вв. Верхнего Подонцовья рассматривается большинством исследователей как факт принадлежности такого погребения представителю воинской верхушки (сотнику, тысячнику) салтовского общества (в первую очередь, его аланского этнического компонента) [Афанасьев 1993, с. 137; Аксенов 1998, с. 40, 44]. И если до недавнего времени конские начальники на памятниках салтово-маяцкой культуры верховий Северского Донца встречались исключительно в комплексах, принадлежащих аланскому населению Подонья [Аксенов 2005, рис. 2: 1, 3: 1, 4: 1, 5: 1; Покровский 1905, табл. 22: 91; Плетнева 1962, рис. 4: 4; Плетнева 1989, рис. 41, 42], то сейчас известны находки начальников на салтовских кремационных и биритуальных могильниках региона (Сухая Гомольша, Красная Горка, Лысый Горб) [Аксенов 1998, табл. 1, 2; Аксенов, Воловик 1999, с. 34, рис. 1: 4, 5; Аксенов 2005, с. 182 – 198]. Продолжающиеся исследования Нетайловского грунтового могильника салтовской культуры, расположенного напротив Верхне-Салтовского городища, позволили обнаружить еще одно захоронение конским начальником. Публикации материалов данного захоронения и посвящена статья.

Погребение № 482 было зафиксировано на глубине 0,7 м от уровня современной поверхности почвы благодаря своему темно-серому по цвету заполнению, хорошо выделяющемуся на фоне светло-желтого материкового песка. На уровне фиксации пятно могильной ямы имело форму вытянутого прямоугольника с сильно закругленными углами, ориентированного своей длинной осью по линии северо-восток – юго-запад (Аз. 60°). Размеры пятна на уровне фиксации: длина – 4,0 м, ширина – 2,3 м (Рис. 1).

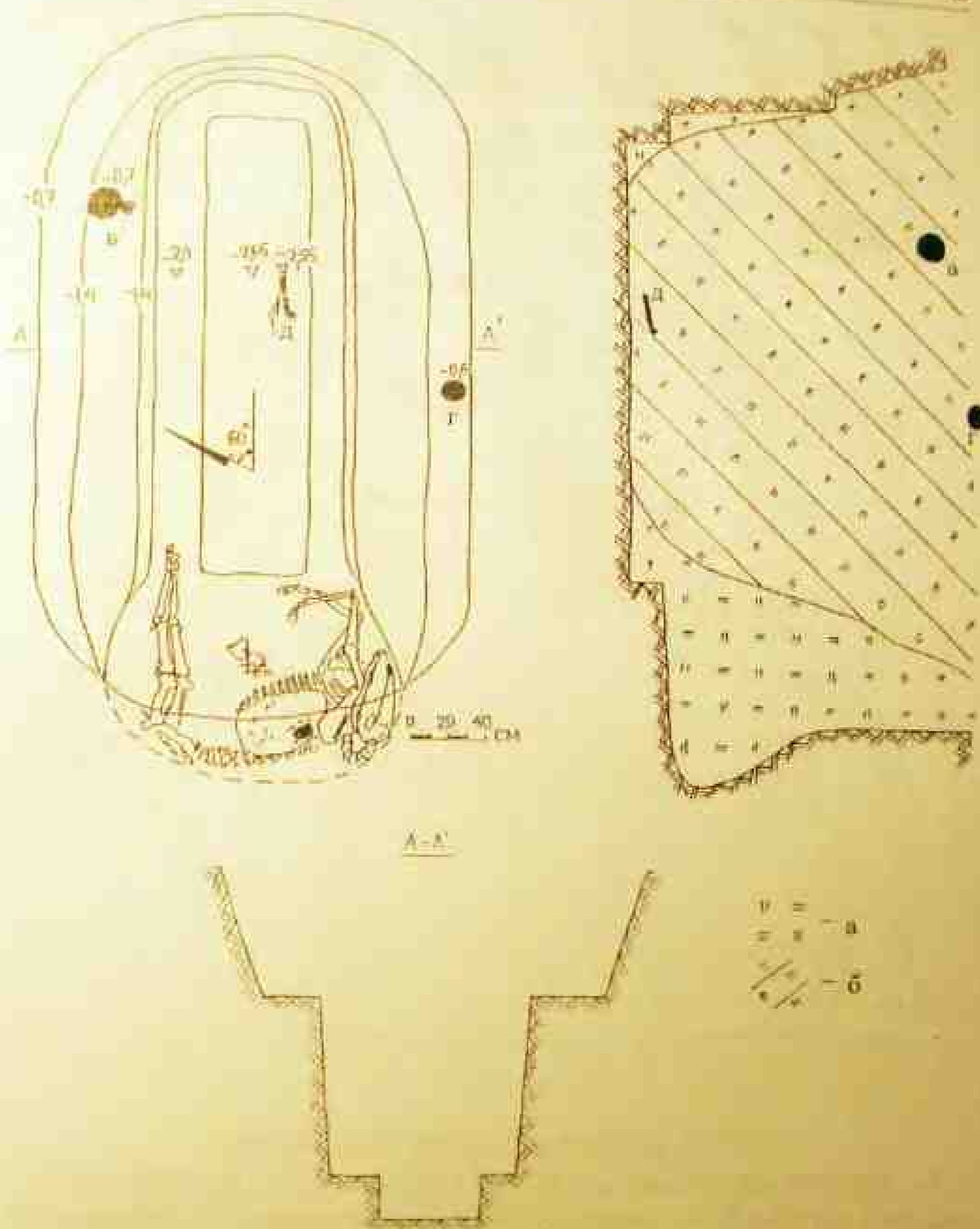

Рис. 1. План погребения № 482 Нетайловского могильника.
а – первоначальное заполнение могильной ямы, б – заполнения
позднейшего вкопа, г - кувшин, д – череп человека, е – бедренная
кость человека.

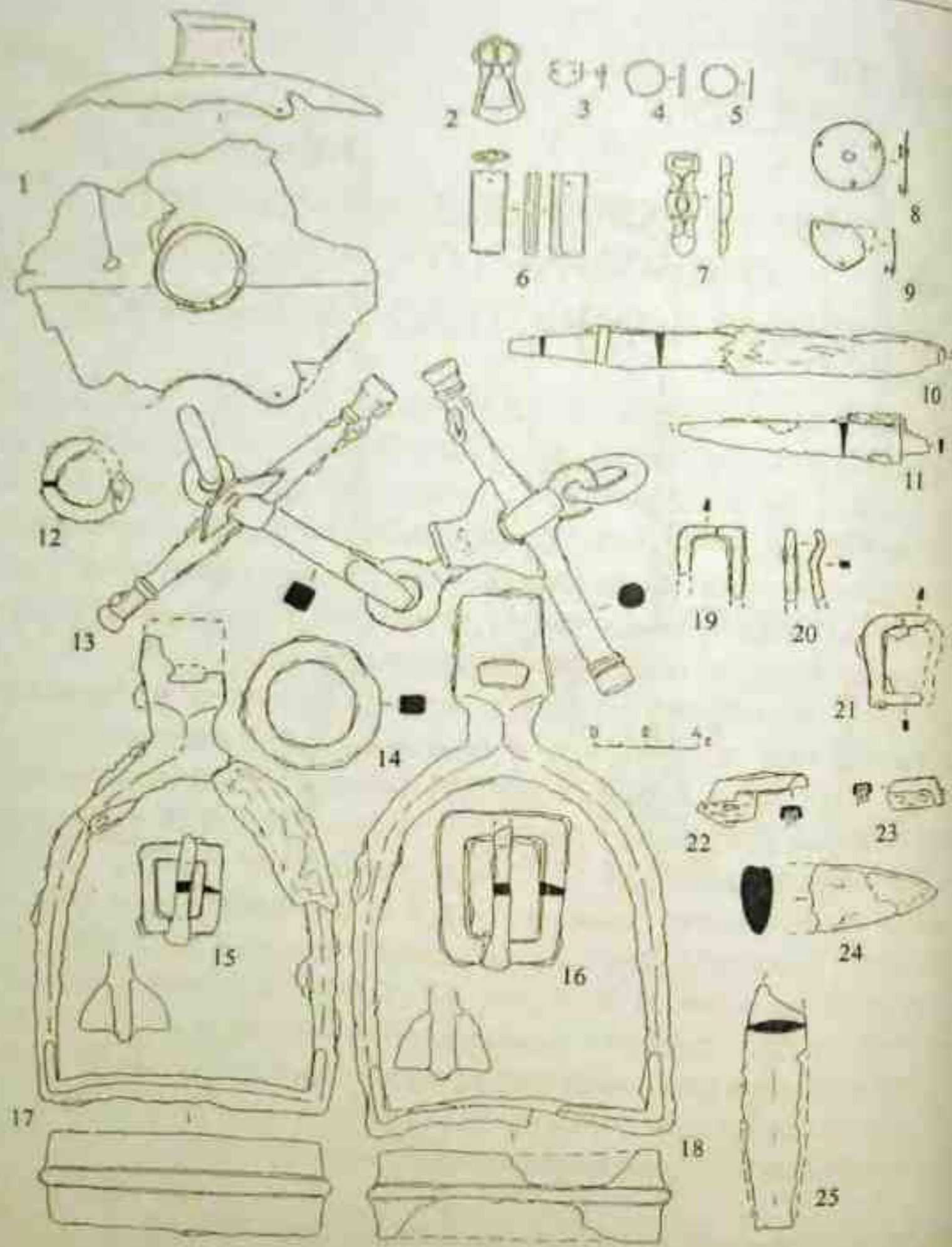

Рис. 2. Инвентарь погребения № 482.

1 – конский начельник; 2 – пряжка оголовья; 3 – 5 – бляшки от ремней оголовья; 6 – наконечник ремня оголовья; 7 – чумбурный блок; 8, 9 – украшения ремней сбруи; 10, 11 – ножи; 12, 14 – сбруйные кольца; 13 – удила; 15, 16 – сбруйные пряжки; 17, 18 – стремена; 19 – 21 – сбруйные пряжки; 22, 23 – фрагменты оковок ножен клинкового оружия; 24 – фрагмент клинка палаша; 25 – перо наконечника дротика.

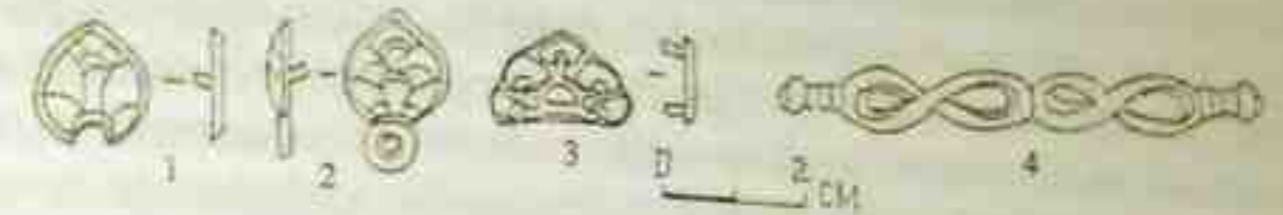

Рис. 3. Инвентарь погребения № 482.

1 – 3 – поясные бляшки; 4 – поясной разделитель; 5 – кувшин из заполнения могильной ямы.

на уровне фиксации заполнения могильной ямы имело темно-серый цвет, местами переходящий в светло-серый с пятнами светло-желтого материкового песка. При этом в своей восточной части цвет заполнения пятна могильной ямы был золистым и более пятнистым, тогда как заполнение западной части пятна было более однородным светло-серого цвета с незначительными вкраплениями светло-желтого материкового песка. Специфика заполнения восточной части могильной ямы позволила еще в ходе работ сделать предположение, что в восточную часть могилы в древности было осуществлено преднамеренное проникновение. Данное предположение нашло подтверждение в тех находках, что были обнаружены в заполнении этой части могильной ямы:

- на глубине 0,6 м от уровня современной поверхности почвы, у южного края могильной ямы на расстоянии 2,1 м от восточного края был обнаружен череп человека без нижней челюсти, покоившийся на правой височной кости и обращенный лицевыми костями к западному краю могильной ямы (Рис. 1);

- на глубине 0,7 м от уровня современной почвы в 0,25 м от северного и в 1,0 м от восточного края ямы был найден целый крупный салтовский кувшин (Рис. 3: 5), лежавший на боку;

- на той же глубине, в 0,45 м к югу от горлышка кувшина, поперек могильного пятна, лежал небольшой железный черешковый нож (Рис. 2: 11).

Данные артефакты, по-видимому, были извлечены из могильной ямы в ходе совершенного в древности повторного вскрытия и брошены в ее заполнение. Кроме того, в заполнении этой части могильной ямы на разных уровнях встречались отдельные мелкие древесные угольки и фрагменты (12 экз.) салтовских столовых сосудов (6 фрагментов столового кувшина серого цвета, 6 фрагментов столового сосуда черного цвета). Фрагменты керамики могли попасть в заполнение могильной ямы как из культурного слоя некрополя, так и в результате проведения при захоронении каких-то ритуальных действий.

Стенки могильной ямы с глубины фиксации пятна могильной ямы до глубины 1,4 м от уровня современной поверхности почвы были наклонными. На глубине 1,4 м они переходили в горизонтальную ровную площадку, которая в плане имела форму вытянутого прямоугольника с сильно закругленными углами. Размеры этой площадки составляли 3,76×1,8 – 1,85 м. Таким образом, на этой глубине в яме присутствовали ступеньки-заплечики, идущие вдоль

северной, восточной и западной сторон ямы. Их ширина: 0,3 – 0,35 м (северная ступенька), 0,07 – 0,1 м (восточная ступенька) и 0,37 – 0,41 (южная ступенька). С глубины 1,4 м и до глубины 2,4 м от уровня современной поверхности почвы все стенки могильной ямы, кроме западной, опять были наклонными. На глубине 2,4 м они переходили в еще одну горизонтальную площадку, которая в плане имела грушевидную форму. Такая форма площадки получилась из-за того, что восточная часть ямы приобрела форму вытянутого прямоугольника с закругленными углами. Размеры этой прямоугольной части площадки составляли 2,78×1,0 м. Данная часть могильной ямы была отведена под захоронение человека. Западная часть площадки на глубине 2,4 м приобрела форму овала размером 1,54×1,15 м, ориентированного своей длинной осью перпендикулярно длинной оси площадки под захоронение человека. Для оформления площадки для конского захоронения в западной стенке общей могильной ямы была сделана ниша-подбой глубиной 0,3 – 0,35 м и высотой около 0,7 – 0,75 м. Таким образом, размеры могильной ямы на уровне 2,4 м составляли: общая длина могилы (человек + конь) – 3,95 м, ширина в восточной части – 0,98 – 1,0 м, ширина максимальная в западной части – 1,54 м (Табл. 146, 147).

На дне восточной части могилы было зафиксировано углубление прямоугольной формы с отвесными стенками и глубиной 0,25 м (Рис. 1). Размеры данного углубления под захоронение человека составляли 2,6×0,53 – 0,54 м. Из-за углубления под захоронение человека в восточной части ямы на глубине 2,4 м образовались ступеньки шириной 0,25 м (северная сторона), 0,2 м (восточная сторона) и 0,17 – 0,18 м (южная сторона). Пол могильной ямы человеческого захоронения фиксировался на глубине 2,65 м от уровня современной поверхности почвы. На дне в восточной части ямы человеческие останки отсутствовали. Лишь в заполнении этой части могильной ямы, на глубине 2,5 – 2,55 м от уровня современной поверхности, на расстоянии 0,9 м от восточной торцевой и в 0,1 – 0,12 м от южной боковой стенок была обнаружена человеческая бедренная кость плохой сохранности. Она лежала под наклоном ко дну могильной ямы, вдоль ее южной стенки (Рис. 1). Под костью был зафиксирован железный черешковый нож (Рис. 2: 10), конгломерат сильно корродированных фрагментов железных предметов, половинка бронзового разделителя на пояс (Рис. 3: 4). Из данного конгломерата удалось вычленить: обломок сабли (Рис. 2: 24),

фрагменты железных оковок ножен сабли (Рис. 2: 22, 23), фрагмент железного кольца (Рис. 2: 12), фрагменты двух рамчатых пряжек (Рис. 2: 19 - 21), обломок пера листовидного наконечника копья/дротика (?) (Рис. 2: 25). Под ними удалось проследить пятно темно-коричневого древесного тлена (кора?). Ниже, под пятном древесного тлена, на дне могильной ямы лежала вторая половинка бронзового разделителя на пояс (Рис. 3: 4).

В западном краю общей могильной ямы располагалось захоронение коня, совершенное на овальной в плане площадке, устроенной на уровне ступенек могильной ямы погребения человека (Рис. 1). Костяк коня плохой сохранности покоился на правом боку. Задние ноги коня были вытянуты в восточном направлении и покоились на северной ступеньке могильной ямы человеческого погребения. Передние конечности коня были слегка подогнуты так, что копыта оказались около юго-западного угла углубления для тела человека. Шея коня находилась в приподнятом положении так, что череп коня опирался на южную боковую стенку ниши-подбоя на высоте 0,65 м от уровня дна конского захоронения. Между передними и задними конечностями коня, на расстоянии 0,7 м от северной и в 0,65 м от западной стенки ниши подбоя были обнаружены следующие предметы: пара стремян (Рис. 2: 17, 18); удила с гвоздевидными псалиями (Рис. 2: 13); железное сбруйное кольцо (Рис. 2: 14); две железных сбруйных рамчатых пряжки (Рис. 2: 15, 16); бронзовый чумбурный блок (Рис. 2: 7); четыре литые бляшки (Рис. 3: 1 - 3), по-видимому, украшавшие поясной ремень. На ребрах коня, между поясничным отделом и шеей, было зафиксировано пятно темно-коричневого древесного тлена размером 0,48 - 0,5 × 0,3 - 0,35 м, поверх которого прослеживались остатки тонкой кожи, войлока и березовой коры. Данное пятно древесного тлена следует считать остатками деревянного седла. Поверх седла в кучке лежали четыре бронзовые пряжки с остатками кожаных ремней (Рис. 2: 2), четыре наконечника от ремней оголовья (Рис. 2: 6), мелкие бляшки, украшавшие ремни оголовья (Рис. 2: 3 - 5), фалары круглой и щитовидной формы (Рис. 2: 8, 9). Часть данных предметов относится к ремням конского оголовья (пряжки, наконечники, мелкие бляшки), тогда как другая часть - фалары - украшала ремни конской сбруи. Поверх этих предметов покоился бронзовый конский начельник плохой сохранности (Рис. 2: 1).

Структура заполнения восточной части могильной ямы, находясь в этой части могильной ямы, состояние человеческих останков и

инвентаря, положение их указывает на то, что захоронение человека в древности подверглось преднамеренному проникновению, в результате которого погребение человека было полностью разрушено, тогда как захоронение коня оказалось нетронутым. Все это свидетельствует, что вскрывавшие захоронение люди хорошо себе представляли устройство могильной ямы и расположение в ней инвентаря. Таким образом, это могли быть люди, принимавшие непосредственное участие в погребении человека (т.е. были родственниками, одноплеменниками), или же они были хорошо знакомы с погребальными обычаями населения, оставившего Нетайловский могильник (но принадлежали к другой этнической группе). В таком случае цели, которые преследовали вскрывшие могилу люди, могли быть различными. В первом случае можно говорить о проведении каких-то постпогребальных (ритуальных) действий, во втором - целью вскрытия могилы было ограбление/осквернение захоронения. Подойти к решению данного вопроса, как нам представляется, можно через анализ погребального инвентаря, оставшегося в могиле.

Обнаруженный в захоронении инвентарь - предметы хозяйственно-бытового назначения (кувшин, ножи), предметы конского снаряжения и элементы вооружения - находит широкие аналогии в древностях салтовского населения Подонцовья второй половины VIII - IX вв. [Плетнева, 1981, рис. 36, 37; 46; 25].

Оба ножа из погребения № 482 принадлежат к одному типу: с прямой спинкой и криволинейным лезвием (Рис. 2: 10, 11). Длина одного составляет 17,6 см, второго - 10,2 см, при ширине лезвия 1,6 см. Меньший по длине нож имеет небольшой выступ, отделяющий черенок от лезвия. Второй нож снабжен дополнительным напускным хомутиком у основания рукояти для лучшего закрепления ее на черенке. В сечении лезвия обеих ножей клиновидные. В большом количестве подобные ножи встречаются на памятниках салтовской культуры [Ляпушкин 1958, с. 312, рис. 55; Плетнева 1989, рис. 45], они происходят из комплексов, датируемых VIII - IX вв. [Михеев, Степанська, Фомін 1973, с. 94].

Фрагмент рубящего оружия представлен окончанием клинка длиной 5,5 см. В сечении окончание клинка имеет форму клина с округленной верхней частью. Однолезвийность кончика клинка указывает на то, что в данном случае мы, по-видимому, имеем дело с клинковым оружием типа палаша, ибо у салтовских сабель

скокание клинка на длину 12 – 15 см, как правило, было расковано на два лезвия [Аксенов 2005, с. 358, рис. 1: 4; 4: 6].

От деревянных ножен клинкового оружия в погребении сохранились фрагменты железных торцевых оковок, которые в сечении имеют Г-образную форму. Подобные торцевые оковки ножен встречены в погр. № 93/к-6, 150/к-13, 162, 219/к-20 (Красная Горка), 252 (Сухая Гомольша), Новая Покровка [Аксенов, Михеев 2003, рис. 6: 9; Аксенов, Михеев 2006, рис. 40: 7, 8; 62: 6, 7; Кухаренко 1951, рис. 31: 12], в аланских погребениях бассейна Северского Донца [Аксенов 1996, табл. XVII: 2 – 4; Аксенов 1999, табл. XVI: 7].

Фрагмент листовидного пера наконечника, вероятно, дротика длиной около 10 см при ширине 2,5 см имеет в сечении овальную форму (Рис. 2: 25). Данный наконечник относится к редкому для салтовских древностей типу. Подобные перовидные наконечники копий из железа появились в раннем железном веке в степных районах Северного Причерноморья [Городцов 1928, табл. III, IV]. Формирование салтовских перовидных наконечников копий начинается, по мнению Н.Я. Мерперта, в сарматское время [Мерперт 1951, с. 24 - 25, рис. 2], но непосредственно в салтово-маяцких древностях находки подобных наконечников копий единичны. Для комплексов салтовского времени бассейна Северского Донца больше характерны наконечники с узким длинным ромбическим или квадратным в сечении пером [Аксенов, Михеев 2003, рис. 3: 33; 5: 11, 30; 6: 6; Михеев 1985, рис. 8: 26; 9: 19; 10: 13; 11: 3; 12: 17; 14: 1; Михеев 2004, рис. 3: 7, 8], которые найдены в основном в погребениях по обряду трупосожжения и в захоронениях ямного типа. Лишь один подобный наконечник происходит с памятника аланского компонента салтовской культуры (Верхний Салтов) [Криганов 1993, с. 56, рис. 1: 6]. Отдаленной аналогией найденному наконечнику является наконечник копья из погр. № 100/к-8 биритуального могильника Красная Горка [Аксенов 1999, с. 78, рис. 26: 2].

Кувшин имеет шаровидное тулово, высокое горло с отогнутым наружу венчиком, который в месте нахождения носика-слива отбит в древности (Рис. 3: 5). Кувшин снабжен эллипсоидной в сечении ручкой. Внешняя поверхность сосуда светло-коричневого цвета, со следами потертостей. На дне сосуда присутствует клеймо в виде косоугольного креста. Высота сосуда составляет 29,8 см, максимальный диаметр тулова – 22,6 см, диаметр дна – 15,8 см. Данный кувшин находит широкие аналогии в салтовских древностях бассейна

Северского Донца [Аксенов 1999, рис. 8: 6; Хоружая 2009, рис. 14: 1, 6].

Найденные стремена относятся к так называемому "салтовскому" типу и имеют высокие пластинчатые петли с выраженным перехватом, высокие арочные корпуса, вогнутые вовнутрь узкие подножки с одним жгутом (Рис. 2: 17, 18). Стремена данного типа получили наибольшее распространение в VII – IX вв. на огромной территории от Саяно-Алтая до Венгрии и Чехии [Кирпичников 1973, с. 49].

Сбруйные пряжки представлены двумя экземплярами распространенных для эпохи раннего средневековья типов (Рис. 2: 15, 16). Наличие в комплекте конского снаряжения двух сбруйных пряжек дает основание утверждать, что в данном случае было использовано седло с двумя ремнями – подбрюшным и нагрудным. Обе сбруйные пряжки четырехугольной формы. Одна пряжка имела размеры 3,4×3,8 см, вторая – 5,0×6,4 см. В VII – IX вв. такие пряжки были характерны для всех европейских кочевников от Урала до Дуная [Кирпичников 1973, с. 76]. С подгрудным ремнем связано и обнаруженное в погребении железное кольцо диаметром 5,4 см.

Удила состоят из двухчленного грызла и двух боковых подвижных прищечных ограничителей – псалиев (Рис. 2: 13). Окончания стержней грызла имеют восьмерковидную форму, при этом петли для псалиев и петли для поводного ремня повернуты в разных плоскостях, т.е. являются перпендикулярными друг другу. Грызла с таким расположением петель преобладают в древностях хазарского времени [Генинг 1962, табл. XIII: 1; Генинг, Халиков 1964, табл. IX: 1, 3, 4, 6, 7, 9; Казаков 1971, с. 108, табл. X: 6; Плетнева 1989, рис. 38] и в древнерусских древностях [Кирпичников 1973, с. 13–14]. Псалии относятся к типу гвоздевидных, при этом они украшены по стержню рядом перехватов, что придает им нарядный вид (Рис. 2: 13). Удила с псалиями, украшенными рядом перехватов, встречены в захоронениях могильника Сухая Гомольша (№ 175) и Красная Горка (погр. №) [Аксенов, Михеев 2006, рис. 20: 3; Аксенов, Крыганов, Михеев 1996, рис. 4: 15]. В целом же аналогичные удила широко представлены на памятниках салтовской культуры и датируются VIII – X вв. [Крыганов 1989, с. 100].

Вместе с удилами в погребении были найдены наборы различной формы бляшек и наконечники, которые относятся к украшениям ремней оголовья (уздечки). Так, в данном погребении бляшки с уздечных ремней представлены двумя типами. Бляшки 1 типа

выполнены путем обтягивания серебряным листом основы, от которой в большинстве случаев остается только светло-серый порошок (оловянисто-свинцовистая бронза). Поэтому бляшки зачастую слегка выпуклые (Рис. 2: 4, 5). По форме бляшки круглые (4 экз.), диаметром 1,3 – 1,5 см. Бляшки 2 типа – плоские, вырезанные из тонкого серебряного листа и прикреплены к ремням оголовья с помощью 2 заклепок. Бляшки (6 экз.) имеют форму пятиугольника с небольшим треугольным вырезом в их верхней стороне (Рис. 2: 3). Размеры бляшек 1,2×1,0 см. Одна из бляшек этого типа сохранилась с остатками кожаного ремня, продетого сквозь рамку пряжки, что позволяет восстановить их размещение на ремнях оголовья. Вероятно, они располагались так, как бляшки аналогичных типов на ремнях оголовья из катакомбы № 173 Дмитриевского могильника [Плетнева 1989, рис.39], катакомбы № 18 Маяцкого селища [Винников, Афанасьев 1991, с.47, рис.19: 8], катакомбы № 30 Маяцкого могильника [Флеров 1984, рис.15: 1, 2]. Бляшки отмеченных типов, помимо катакомбных захоронений, встречены в погребениях № 150/к-13, 199, 209/к-10, 216/к-19, 245/к-17, 264/к-24, 282, 289/к-28 могильника Красная Горка, № 132, 215, 221 того же Нетайловского могильника [Аксёнов 1999, с.60, рис. 12: 2, 3в, 4–6, 8а; Аксёнов 2009, рис. 8: 6]. Наконечники от ремней оголовья (4 экз.) свернуты из тонкой серебряной фольги вокруг деревянной пластины – основы наконечника (Рис. 2: 6). Размер наконечников 3,5×1,4 см. В свободный верхний конец наконечника вставлялся ремешок, который потом слегка обжимался вокруг ремешка и закреплялся одной заклепкой. Такие наконечники ремней оголовья встречаются и в грунтовых [Аксёнов 1999, с. 60, рис. 12: 1–3; Аксёнов 2009, рис. 8: 9], и катакомбных захоронениях салтовской культуры [Аксёнов 2005, рис. 2: 10; 3: 7; 4: 8; 5: 17; Винников, Афанасьев 1991, рис. 19: 8; Плетнева 1989, рис. 39; Флеров 1984, рис. 15:5].

Пряжки оголовья (4 экз.) относятся к типу треугольнорамчатых с щитком в виде вытянутой пятиконечной рамки (Рис. 2: 2). Бронзовые пряжки этого типа найдены в составе конской сбруи в погр. № 209/к-10, 219/к-20, 289/к-28 могильника Красная Горка, в захоронениях Нетайловского могильника [Аксёнов 1999, рис. 12: 2, 3а; Аксёнов, Михеев 2003, рис. 6: 11; Аксёнов, Хоружая 2005, рис. 6: 1]. Подобные пряжки в составе конской уздечки встречены в катакомбе № 30 Маяцкого могильника [Флеров 1984, рис.16: 6, 11], в катакомбе № 173 Дмитриевского могильника [Плетнева 1989, рис.35], в погребениях

коня № 3, 4 и в катакомбе № 25 Верхне-Салтовского катакомбного могильника [Аксёнов 2005, рис. 3: 13, 15, 16; 4: 4; 5: 12, 13].

Начельник представлял собой выпуклую бляху вытянутой формы с впаянной поллой трубочкой (Рис. 2: 1). Судя по частично сохранившемуся краю, он был фигурным. В одном сохранившемся полукруглом выступе бляхи имеется одно сквозное отверстие для крепления начельника к ремню оголовья. Длина налобной бляхи составляет 14,2 см, ширина сохранившейся части – 11,0 см. Высота трубочки для султана равняется 2,4 см. Подобные бронзовые (иногда позолоченные) конские начельники достаточно хорошо представлены в аланских памятниках Подонья [Аксёнов 2005, с. 252 – 255, рис. 2: 1; 3: 1; 4: 1; 5: 1; Плетнева 1989, рис. 41, 42; Покровский 1905, табл. XXII: 91] и Северного Кавказа [Хайнрих 1995, с.245]. Встречаются конские начельники и в салтовских кремационных захоронениях Подонья [Аксёнов 2005, с. 183, рис. 2: 1; 5: 1; Аксёнов, Воловик 1999, с.35, рис. 1: 4, 5; Михеев 2004, с.79, рис. 3: 18, 19]. С.А. Плетнева датирует конские начельники из аланских катакомбных захоронений первой половиной IX в [Плетнева 1981, рис. 36: 15, 16а].

К украшениям ремней сбруи относятся фалары круглой (17 экз.) (Рис. 2: 8) и щитовидной (2 экз.) (Рис. 2: 9) формы. Они изготовлены из серебряной фольги. Круглые фалары диаметром 2,8 – 3,0 см имеют по центру небольшое сквозное отверстие диаметром 0,3 – 0,4 см. Щитовидные бляшки от ремней сбруи имеют размер 2,6×1,9 см. Все бляшки имеют по три отверстия по краю, через которые они с помощью заклепок длиной до 0,3 – 0,4 см прикреплялись к ремням сбруи. Подобные круглые фалары (железные, бронзовые, серебряные, с обтянутой бронзовым листом железной основой) встречены в погребениях № 138, 254 могильника Красная Горка, в катакомбах № 30 Маяцкого катакомбного могильника и №173 Дмитриевского могильника [Аксёнов 1999, с.66, рис.13: 12; Аксёнов, Михеев 2009, рис.2: 13; 4: 5; 5: 17; 7: 26; Плетнева 1989, рис. 39,а; Флеров 1984, рис. 15: 3, 4]. Бляшки щитовидной или пятиугольной формы от сбруи, подобные найденным в погребении № 482, были встречены в погр. № 138, 144, 254, 265 могильника Красная Горка [Аксёнов 1999, с.67, рис.13: 13; Аксёнов, Крыганов, Михеев 1996, рис. 4: 33; Аксёнов, Михеев 2009, рис.4: 6], в ряде погребений с конем Нетайловского могильника [Аксёнов 2009, рис. 8: 3].

Для определения времени совершения захоронения № 482 большое значение имеют найденные в погребении элементы

поясной гарнитуры, которая представлена только бляшками (Рис. 3: 1–3). Бляшки поясного ремня относятся к нескольким видам:

1) литая бляшка сердцевидной формы, поле которой украшено растительным орнаментом в виде крупного бутона лотоса (Рис. 3: 1);

2) литая бляшка-оправа, поле которой украшено растительным орнаментом из 5 бутонов лотоса на стебле, окаймляющем прямоугольной формы отверстие (Рис. 3: 3);

3) две литые листовидной формы бляшки, с петелькой округлой формы в нижней части щитка, с полем, украшенным растительным орнаментом из бутонов лотоса (Рис. 3: 2).

Орнамент, представленный на бляшке сердцевидной формы и бляшках с округлой петелькой в нижней части щитка, соответствует орнаментальной группе, характеризующей, по мнению Н.А. Фоняковой, начальный этап использования салтовскими мастерами «лотосовидного» орнамента в своих изделиях, и датируется концом VIII – началом IX вв. [Фонякова 1986, с. 39, 41, 45, рис.1: 4]. По мнению киевского исследователя А.В. Комара, бляшки, подобные в типологическом плане и по орнаментальным мотивам элементам поясной гарнитуры из данного захоронения, характерны для хронологического горизонта II салтовских древностей, который он датирует концом VIII (после 790 г.) – началом IX в. [Комар 1999, с.130, табл.4, с.132]. Ряд деталей позволяет нам более точно определить время совершения захоронения. Так, бляшка сердцевидной формы (Рис. 3: 10) находит ближайшую прямую аналогию в захоронении № 472 того же Нетайловского могильника [Аксёнов 2011, рис.3: 6], где была найдена золотая имитация византийского солида Льва III чеканки 732 – 741 гг. [Аксёнов 2011, рис.4, с.94]. Орнамент на бляшке с круглой петелькой в нижней части щитка из рассматриваемого захоронения (Рис. 3: 2) подобен орнаменту на бляшках сердцевидной формы из погребения № 472 с имитацией византийской монеты. По найденной монете, захоронение № 472 было датировано последней четвертью VIII века [Аксёнов 2011, с. 95]. Таким образом, рассматриваемые бляшки из погребения № 482 типологически соответствуют украшениям пояса, характерным для последней четверти VIII века.

Бляшку-оправу из данного захоронения по оформлению щитка пятью бутнами лотоса на выходящем стебле вокруг отверстия, вероятно, уже следует относить к следующему (III) хронологическому горизонту салтовских древностей (начало IX века) [Комар 1999, с.130, табл.4, с.132].

С точки зрения хронологии интересен факт присутствия в данном комплексе так называемой «лировидной» подвески (Рис. 2: 7). В восточнотюркских древностях изделия подобной формы входили как в поясную гарнитуру, так и являлись блоками для чумбура [Овчинникова 1990, с. 36, рис. 8, 50]. В нашем случае «лировидная» подвеска выполняла роль чумбурного блока, ибо она была найдена не с элементами поясной гарнитуры, а в комплекте с удилами и украшениями ремней конского оголовья. Аналогией нашей «лировидной» подвески является изделие, найденное в к.5 Кривой луки XXVII [Федоров-Давыдов 1984, с. 88, рис. 7: 5]. Близкие подвески происходят из погребения 2 кургана 1 могильника Саловский, датируемого 40 – 50 гг. VIII в. [Копылов, Иванов 2007, с.132, рис.7: 2 – 5]. По мнению А.В. Комара, подобные «лировидные» подвески характерны для комплексов раннесалтовского хронологического горизонта Столбище-Старокорсунская (740 – 790 гг. н.э.) [Комар 1999, с.126]. Чумбурные блоки этого типа в салтовских древностях встречаются достаточно редко (погр. № 77/к-3 могильника Красная Горка, погр. № 116, 124 Нетайловского могильника) [Аксёнов, Михеев 2003, рис.4: 8; Пархоменко 1983, рис.6: 3–5]. В комплексах более позднего времени на смену «лировидным» подвескам данного типа приходят двусоставные «лировидные» подвески (чумбурные блоки) с трапециевидной рамкой на одном конце и кольцом, пропущенным непосредственно в петлю основы подвески – на другом [Комар 1999, табл. 3: 79, 86; Аксёнов 2005, рис. 3: 9; 5: 3].

Поясной разделитель из данного захоронения (Рис. 3: 4) не служит точным хронологическим индикатором, хотя в материалах Крыма подобные наконечники встречаются только в комплексах первой половины IX в. [Айбабин 1999, с. 320, табл. XXXII: 45]. При этом в катакомбных захоронениях Верхнего Салтова подобные поясные разделители [Хоружая 2009, рис. 2: 9] встречаются вместе с поясными пряжками [Хоружая 2009, рис. 2: 7], характерными для комплексов II и III хронологических горизонтов салтовской культуры (конец VIII – начало IX вв.) [Комар 1999, табл. 4].

Учитывая датировку элементов поясной гарнитуры из данного комплекса, рассматриваемое захоронение, по-видимому, следует датировать рубежом VIII – IX вв. – началом IX в.

В салтовских захоронениях, произведенных в простых грунтовых ямах и связываемых с праболгарским компонентом салтовской культуры, находки конских начальников до этого времени не

были известны. Показательным в данном случае является то, что обнаруженный в захоронении № 482 Нетайловского могильника конский начельник – один из маркеров принадлежности человека к воинской верхушке общества – сопровождался не обычными для аланских комплексов крупными позолоченными фаларами круглой или листовидной формы [Плетнева 1981, рис. 36: 15, 16а, 16б, Аксенов 2005, рис. 2: 14 – 16; 3: 3 – 6; 4: 9, 11 – 13; 5: 4, 5], а характерными для тюрко-болгар серебряными круглыми бляшками с отверстием посередине [Аксенов, Крыганов, Михеев 1996, рис. 4: 32, 34; Аксенов, Михеев 2003, рис. 5: 36; Аксенов, Михеев 2009, рис. 2: 13; 4: 5; 5: 17; 7: 26]. Таким образом, украшения конской сбруи, несмотря на присутствие в ней общего для всей воинской верхушки салтовского общества элемента – начельника, в данном случае были выполнены в соответствии с этнокультурными традициями определенной этнокультурной (тюрко-болгарской) группы. Показательно, что у тюрко-болгар традиция украшать ремни конской сбруи специфическим набором фаларов сохранялась какое-то время в районе Верхнего Салтова – военно-административного центра Северо-Западной Хазарии, где численно преобладало аланское население.

Таким образом, в настоящее время на памятниках верхнего течения Северского Донца (в пределах современной Харьковской области)¹ известно 13 погребальных комплексов, содержащих конский начельник и принадлежавших представителям воинской верхушки салтовского общества, занимавшего данный регион во второй половине VIII – IX вв. Восемь из этих начельников (учитывая дореволюционные находки) происходят с разных участков катакомбного могильника у с. Верхний Салтов², два начельника были найдены в погребениях по обряду кремации биритуального могильника Красная Горка (№ 101, 216/к-19), еще

¹ Здесь не учитываются два начельника из захоронений Дмитриевского могильника [Плетнева 1989, рис. 41, 42], один – из катакомбы Подгоровского могильника [Плетнева 1962, рис. 4: 4], один – из Алексеевского клада [Афанасьев 1993, рис. 10: 1], один – из захоронения коня на Ютановском катакомбном некрополе [Афанасьев 1993, рис. 1: 14].

² Из дореволюционных раскопок происходит 2 начельника [Покровский 1905, табл. 22: 91, Бабенко 1912, с. 453 - 454], 3 начельника – найдены на главном могильнике в 1984 – 1989 гг. [Аксенов 2005, с. 245 - 247], 1 – на Верхне-Салтовском III могильнике [Аксенов 2005, с. 247, 248], 2 – на Верхне-Салтовском IV могильнике [Аксенов, Лаптев 2009, рис. 5: 11; Аксенов 2011, с. 41, рис. 124: 12].

по одному начельнику – в кремациях могильников Сухая Гомольша (№ 175) и Лысый Горб (№ 1). Только один начельник происходит из погребения по обряду труположения в яме – № 482 Нетайловского могильника.

Материалы указанных выше захоронений позволяют сделать некоторые предварительные наблюдения:

1) Конский начельник, как символ принадлежности к воинской элите, был известен всем группам населения, принявшего участие в создании салтовской культуры.

2) Наиболее ранними по времени (вторая половина VIII в.) комплексами, содержащими конский начельник, являлись кремационные захоронения могильников Лысый Горб (№ 1) и Красная Горка (№ 216/к-19), которые расположены на границе степной и лесостепной зон. Поэтому, вероятно, именно с носителями данной погребальной традиции и была принесена в Подонцовье традиция снаряжения коня военачальника налобной бляхой с султаном. Использование конского начельника в качестве символа военачальника сохранялось у данного населения и в последующее время – до третьей четверти IX века (погребение № 101 могильника Красная Горка и № 175 могильника Сухая Гомольша).

3) Наибольшее число находок конских начельников связано с аланскими могильниками Верхнего Салтова, но захоронения, содержавшие их, по участкам могильника распределены неравномерно, что, по-видимому, связано с состоянием развития Верхнего Салтова как ключевого военно-административного центра северо-западной Хазарии. Так, на ближайшем (вероятно, наиболее раннем по времени) к городищу некрополе (ВСМ – III) найден всего один начельник (катакомба № 25), происходящий из комплекса конца VIII – начала IX вв. На расположенном чуть дальше ВСМ – IV найдено два конских начельника (катакомбы № 93, 105): оба в комплексах второй – третьей четверти IX века. На наиболее удаленном от Верхне-Салтовского городища главном некрополе найдено наибольшее число этих атрибутов военачальника (2 из дореволюционных раскопок и при конских захоронениях №№ 1, 3, 4). Происходят они из комплексов, датируемых широким хронологическим диапазоном: конец VIII – начало IX вв. (конь 1) – середина – третья четверть IX века (конь 4). Такое распределение атрибутов военачальников по участкам некрополя можно рассматривать как факт постепенного увеличения роли аланского населения в военной и социально-политической

структуре салтовского общества региона. По-видимому, на определенном этапе в силу каких-то событий главная роль в регионе перешла от тюрко-болгар, которым принадлежал Нетайловский могильник, на котором в настоящее время раскопано ряд погребений датируемых 740 – 775 гг. н.э. [Аксенов 2010, с. 166 - 177], и на котором из 508 раскопанных на Нетайловке погребений только в одном (№ 482) был обнаружен зримый атрибут военачальника – конский начальник. Аланские же погребальные комплексы хронологического горизонта 740 – 775 гг. н.э. в настоящее время открыты только на Старо-Салтовском (кат. № 7, 15, 19, 21 22) и Рубежанском (кат. № 3, 4, 15, 16) катакомбных могильниках [Аксенов 1999, с. 137 – 149; Аксенов 2001, с. 62 - 78], которые расположены в 4 км к югу и в 7 км к северу, соответственно, от Верхне-Салтовского городища. Возможно, с утратой тюрко-болгарами (нетайловцами) ведущей роли в регионе связано возникновение Верхне-Салтовского городища и постепенное превращение его в крупнейший пункт Северо-Западной Хазарии.

4) События, связанные с переходом ведущей роли в регионе от тюрко-болгар к аланам, произошли, по-видимому, в первой трети IX века. Логично предположить, что к таким последствиям могла привести гражданская война, разразившаяся в Хазарии [Артамонов 2002, с. 329, 332] после принятия правящей верхушкой каганата раввинистического иудаизма в качестве государственной религии (около 800 г. н.э.) [Новосельцев 1990, с.150]. Возможно, с этими событиями и связано преднамеренное вскрытие погребения № 482 и целого ряда других захоронений Нетайловского могильника второй половины VIII – рубежа VIII – IX вв., принадлежавших представителям воинской элиты тюрко-болгарского этноса. Если это так, то вероятной целью преднамеренного вскрытия погребения № 482, как и ряда других захоронений, было осквернение могил побежденного противника. О том, что эта гипотеза вполне вероятна, свидетельствует состояние погребального инвентаря рассматриваемого захоронения (кинжальное оружие, наконечник дротика, пояс, украшенный бляшками), который в результате повторного вскрытия могильной ямы подвергся преднамеренной порче. Если бы целью было ограбление, то столь ценные вещи, как предметы вооружения и пояс – символ принадлежности к воинской прослойке общества – были бы просто изъяты из могилы. Но кто именно произвел осквернение данного захоронения – аланы или выигравшие гражданскую войну представители правящей хазарской

элиты – сказать пока невозможно.

Новые исследования Нетайловского некрополя, как нам представляется, позволят подтвердить или опровергнуть высказанные выше предположения и решить ряд вопросов, связанных с судьбой населения, оставившего данный могильник.

Литература

- Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
- Аксенов В.С. Отчет о работе археологической экспедиции Харьковского исторического музея в полевом сезоне 1995 года. Харьков, 1996. // Архив ХИМ.
- Аксенов В.С. К вопросу об уровне вооруженности населения салтовской культуры (по материалам погребений с сожжением Сухогомольшанского и Красногорского могильников) // Вісник ХДУ. 1998. № 413: Історія. Вип. 30.
- Аксенов В.С. Отчет об археологических исследованиях Верхне-Салтовского IV могильника в 1998 г. Харьков, 1999. // Архив ХИМ.
- Аксенов В.С. Старосалтовский катакомбный могильник // Vita antique. 1999. № 2.
- Аксенов В.С. Рубежанский катакомбный могильник салтовомаяцкой культуры на Северском Донце // Донская археология. 2001. № 1 – 2.
- Аксенов В.С. Салтовские кремационные комплексы с конскими начальниками из бассейна Северского Донца // Хазарский альманах. Т. 4. Киев – Харьков, 2005.
- Аксенов В.С. Комплексы с конскими начальниками из Верхнесалтовского катакомбного могильника // Степи Европы в эпоху средневековья. Хазарское время. Т. 4. Донецк, 2005.
- Аксенов В.С. Исследования раннесредневековых захоронений близ села Металловка в 2006 году (Нетайловский грунтовой могильник) // Степи Европы в эпоху средневековья. Хазарское время. Т. 7. Донецк, 2009.
- Аксенов В.С. Новые раннесредневековые погребальные комплексы Северо-Западной Хазарии // Древности 2010. Харьков, 2010.
- Аксенов В.С. Отчет об археологических исследованиях Нетайловского и Верхне-Салтовского могильников в 2010 г. Харьков,

2011. // Архив ХИМ.

Аксенов В.С., Воловик С.И. Новый салтовский могильник в верхнем Подонечье // Донская археология. 1999. № 3 – 4.

Аксенов В.С., Крыганов А.В., Михеев В.К. Обряд погребения с конем у населения салтовской культуры (по материалам Красногорского могильника) // Материалы I тыс. н.э. по археологии и истории Украины и Венгрии. К., 1996.

Аксенов В.С., Лаптев А.А. К вопросу о славяно-салтовских контактах (на примере катакомбы № 93 могильника у с. Верхний Салтов) // Древности 2009. Харьков, 2009.

Аксенов В.С., Михеев В.К. Погребения с крымской посудой могильника салтовской культуры Красная Горка // Vita antique. 2003. № 5 – 6.

Аксенов В.С., Михеев В.К. Население Хазарского каганата в памятниках истории и культуры. «Сухогомольшанский могильник VIII – X вв.» // Хазарский альманах. Т. 5. Киев – Харьков, 2006.

Аксенов В.С., Михеев В.К. Погребения со сложносоставными луками биритуального могильника Красная Горка салтовской культуры // Степи Европы в эпоху средневековья. Хазарское время. Т. 7. Донецк, 2009.

Аксенов В.С., Хоружая М.В. Новые раннесредневековые захоронения Нетайловского могильника (раскопки 2002 - 2004 гг.) // Хазарский альманах. Т. 4. Киев – Харьков, 2005.

Аксенов В.С. Поховання з конем другої половини VIII - IX ст. верхньої течії р. Сіверський Донець (за матеріалами салтівських ґрунтових могильників. Дис. на здобуття наук. ступеня канд. іст. наук. спец. 07.00.04 «Археологія. Харків, 1999.

Аксенов В.С. Поховання 472 Нетайлівського могильника салтівської культури // Археологія. 2011. № 1.

Артамонов М.И. История хазар. СПб., 2002.

Афанасьев Г.Е. Система социально-маркирующих предметов в мужских погребальных комплексах донских алан // РА. 1993. № 4.

Афанасьев Г.Е. Донские аланы. Социальные структуры алано-ассо-буртасского населения бассейна Среднего Дона. М., 1993.

Бабенко В.А. Памятники хазарской культуры на юге России // Труды XV АС. Т. 1. М., 1914.

Винников А.З., Афанасьев Г.Е. Культовые комплексы Маяцкого селища. Воронеж, 1991.

Генинг В.Ф. Мыдлань-Шай – удмурдский могильник VIII - IX вв.

"Хазарский альманах", том 9. Харьков 2010-2011

41

ВАУ. 1962. Вып. 3.

Генинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние болгары на Волге: Больше-Тарханский могильник. М., 1964.

Городцов В.А. К вопросу о киммерийской культуре // Труды САРАНИОН. 1928. Вып. П.

Казаков Е.П. Погребальный инвентарь Танкеевского могильника // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971.

Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX - XIII вв. Л., 1973.

Комар А.В. Предсалтовские и раннесалтовские горизонты Восточной Европы // Vita antique. 1999. № 2.

Копылов В.П., Иванов А.А. Погребение знатного воина хазарского времени из могильника Саловский // Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. II. Москва – Иерусалим, 2007.

Крыганов А.В. Восточноевропейские кочевнические удила VII - X вв. // Вестник ХГУ. 1989. № 342.

Крыганов А.В. Військова справа ранньосередньовічних аланів Подоння // Археологія. 1993. № 2.

Кухаренко Ю.В. О некоторых археологических находках на Харьковщине // КСИИМК. 1951. Т. ХLI.

Ляпушкин И.И. Памятника салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дон // МИА. 1958. № 62.

Мерперт Н.Я. О генезисе салтовской культуры // КСИИМК. 1951. Вып. 36.

Михеев В.К. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков, 1985.

Михеев В.К. Северо-западная окраина Хазарии в свете новых археологических открытий // Хазарский альманах. Т. 3. Киев – Харьков, 2004.

Михеев В.К., Степанська Р.Б., Фомін Л.Д. Зброя салтівської культури та її виробництво // Питання історії народів СРСР. Вип.4. Харків, 1967.

Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.

Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI - X вв. Свердловск, 1990.

Пархоменко О.В. Поховальний інвентар Нетайлівського могильника VIII-IX ст. // Археологія. 1983. № 43.

Плетнева С.А. Подгоровский могильник // СА. 1962. № 3.

Плетнева С.А. Салтово-маяцкая культура // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.

Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М., 1989.

Покровский А.М. Верхне-Салтовский могильник // Труды ХП АС. Т. 1. М., 1905.

Федоров-Давыдов Г.А. Погребения хазарского времени из урочища "Кривая Лука" в Нижнем Поволжье // Проблемы археологии степей Евразии. Кемерово, 1984.

Флеров В.С. Маяцкий могильник // Маяцкое городище. М., 1984.

Фонякова Н.А. Лотос в растительном орнаменте металлических изделий салтово-маяцкой культуры VIII-IX вв. // СА. 1986. № 3.

Хайнрих А. Раннесредневековые катакомбные могильники из селений Чми и Кобан // Аланы: история и культура. Владикавказ, 1995.

Хоружая М.В. Катакомбные захоронения главного Верхне-Салтовского могильника (раскопки 1984 года) // Степи Европы в эпоху средневековья. Хазарское время. Т. 7. Донецк, 2009.

Аксёнов В.С.

Погребение с конским начальником № 482 Нетайловского грунтового могильника салтовской культуры

Резюме

Работа посвящена публикации материала погребения № 482 Нетайловского могильника салтовской культуры. Данное захоронение из-за наличия коня в одной могиле с человеком может быть отнесено к погребению мужчины-всадника. По погребальному инвентарю погребение № 482 датируется рубежом VIII – IX вв. – началом IX века. В древности в могилу было совершено преднамеренное проникновение, в результате которого был разрушен костяк человека, но скелет коня при этом не пострадал. Вместе с конем был обнаружен полный набор конского снаряжения, среди которого находился конский начальник. Это первая находка конского начальника в салтовском грунтовом погребении по обряду труположения. Материалы погребения № 482 показывают, что конский начальник как символ принадлежности к воинской элите был известен всем группам населения, принявшим

участие в создании салтовской культуры.

До открытия погребения № 482 конские начальники встречались только на аланских катакомбных могильниках Подонья (в катакомбах, в отдельных конских захоронениях) и в салтовских кремационных захоронениях. Показательно, что на Нетайловском некрополе только в одном захоронении был найден конский начальник, тогда как на расположенном рядом катакомбном могильнике у с. Верхний Салтов конские начальники найдены в восьми комплексах. Этот факт можно рассматривать как свидетельство того, что в районе Верхнего Салтова на определенном этапе руководство военными силами салтовцев перешло от тюрко-болгар к представителям аланского этноса. Вероятно, такое перераспределение ролей было связано с результатами гражданской войны в Хазарском каганате, разразившейся в 20-30 гг. IX века.

Аксёнов В.С.

Поховання з кінським начальником № 482 Нетайлівського грунтового могильника салтівської культури.

Резюме

Робота є публікацією матеріалів поховання № 482 Нетайлівського могильника салтівської культури. Це поховання завдяки присутності коня у одній могилі з людиною слід вважати похованням чоловіка-вершника. За поховальним інвентарем комплекс датується межею VIII – IX ст. – початком IX ст. У давнину до могильної ями було здійснено навмисне проникнення, внаслідок якого кістяк людини зазнав руйнації, проте скелет коня залишився неушкодженим. Поряд з конем був знайдений повний набір кінського спорядження, серед якого знаходився кінський начальник. Це є перша знахідка кінського начальника у салтівському грунтовому похованні за обрядом тілопокладення. Матеріали поховання № 482 показують, що кінський начальник як символ приналежності до військової еліти був відомий усім групам населення, які прийняли участь у створенні салтівської археологічної культури.

До відкриття поховання № 482 кінські начальники зустрічалися лише тільки на аланських катакомбних могильниках Подонья (у катакомбах, в окремих похованнях коней) та в салтівських кремационних

В.Г. Балушок

РОЛЬ СТЕПУ В ЕТНОКУЛЬТУРНІЙ ІСТОРІЇ УКРАЇНЦІВ

Південноукраїнський Степ аж до кінця XVIII ст. був важливою ділянкою цивілізаційного Кордону між християнським Заходом та мусульманським Сходом. І навіть до утвердження серед народів, які його заселяли, ісламу цивілізаційна різниця між ними й мешканцями більш північної, населеної переважно землеробами, зони, в усякому разі з часу виникнення номадизму, була дуже значною. Сама ж Україна, яка з самого початку її становлення як окремої країни знаходилася на степовому порубіжжі, складала важливу ділянку цього Великого Кордону [Дашкевич, 1991; 2004; Леп'явко, 1999; 2005; 2006; Головка, 2006; Брехуненко, 2006]. Вельми поширеною є думка, що Степ, як у природно-географічному, так і в культурно-історичному планах, зокрема, в середньовічно-ранньонові часи, був ворожим українській етнічній спільноті. В Степу, мовляв, мешкали войовничі кочівники, відносини українців з якими переважно подаються як конфронтаційні [Портнов, 2000]. У той же час, коли заглибитися в історико-культурні реалії, то виявляється, що ця точка зору є далекою від реальності, а стосунки української спільноти зі степовиками зовсім не зводилися лише до конфронтації. Перебування українців на Великому Кордоні й, особливо, на степовому порубіжжі насправді спричинило широкомасштабні процеси етнічної взаємодії їх зі степовиками, які, у свою чергу, зумовили такі ж масштабні й, разом з тим, конструктивні трансформації в українській етнокulturі.

Стосовно етнічної взаємодії українців зі степовиками слід зазначити, що вони єдині з кола християнських народів Європи¹

¹ У західноєвропейських країнах існує власний поділ на Схід і Захід, за яким українців до числа західних народів переважно не зараховують, проте ряд обставин, а саме конфесійний чинник (християнство), а також перебування їх свого часу в складі Речі Посполитої аж ніяк не дозволяють віднести українську спільноту до типово східних. В часи ж існування Великого Кордону (до кінця XVIII ст.) й самі українці, а особливо козацтво, зараховували себе до християнської Європи, і, головне, ті ж європейські країни бачили в українських козаках форпост боротьби з «бусурманами».

похованнях. Показово, що на Нетайлівському некрополі тільки у одному похованні був знайдений кінський начольник, тоді як на розташованому поряд катакомбному могильнику у с. Верхній Салтів кінські начольники зустрінуті у восьми поховальних комплексах. Цей факт можна розглядати як свідство того, що у районі Верхнього Салтова на певному хронологічному етапі керівництво військовими силами салтівців перейшло від тюрко-болгар до представників аланського етносу. Вірогідно, такий перерозподіл ролей був пов'язаний з наслідками громадянської війни у Хозарському каганаті, що відбулася у 20-30 рр. IX ст.

Viktor Aksyonov

The burial N 482 with aigrette champron at the Netailivka burial ground of the Saltov culture

Summary

The work is devoted to materials of the burial N 482 at the Netailivka burial ground of the Saltov culture. This sepulture according to location of the human and the horse in the same grave can be attributed as a burying of rider. The burial may be dated by excavated grave goods from a boundary 8 – 9 centuries till early 9 century AD. The burial was purposely penetrated at the ancient times. As a result the human skeleton was destroyed, but the skeleton of a horse didn't be injured. There was excavated a complete harness with a horse aigrette champron among him. This aigrette champron is a first similar finding among Saltov ground inhumations. The burial N 482 shows the aigrette champron as a symbol of accessory to a military elite was good-known to all inhabitants created the Saltov culture.

Before the studying of the burial № 482 horse aigrette champrons were found only in the Alan catacombs of the Don region and in the Saltov cremation burials. The aigrette champron was found only in one sepulture at the Netailivka burial ground, while at nearby Verkhniy Saltiv catacomb burial ground same champron were found in eight complexes. This fact can be regarded as an evidence of the transfer of leading by the military forces from the Turk-Bulgarians to the Alans in the Verkhniy Saltiv region at some stage. Probably, this redistribution of roles was a result of the civil war in the Khazar khaganate at 820-830th.